

Глава 14. Сбор трав на заднем склоне горы

На следующий день, закончив с утренней трапезой, они отправились на задний склон горы собирать целебные травы. В столице Ань Цзыянь почти не покидал стен родного поместья; теперь же, когда недуг наконец отступил, в нём проснулось почти детское любопытство. Он с восторгом разглядывал каждую веточку, каждый листок. То и дело замирая перед приглянувшимся цветком, юноша подолгу любовался им, но никогда не срывал — лишь бережно изучал, не желая губить живую красоту.

Чоу Хуайшэн шёл впереди с плетёной корзиной за плечами. Каждые несколько шагов он оборачивался, проверяя, не отстал ли спутник. Иди он в одиночку — давно бы уже добрался до заветных полей, но сегодня из-за праздного любопытства Цзыяня путь растянулся. Впрочем, он не выказывал и тени досады. Напротив, глядя на юношу, он вспоминал себя самого: пять лет назад, впервые оказавшись на горе Небесного Духа, он точно так же замирал перед каждым кустом. Эта священная обитель славилась редчайшими растениями, каких не сыскать во всём мире, и даже теперь, по прошествии пяти лет, Хуайшэн то и дело натыкался на травы, названий которых не знал.

Окружающий пейзаж завораживал. Гора Небесного Духа не высилась одиноким пиком — их нынешнее пристанище было главным столпом, вокруг которого толпились вершины поменьше, словно звёзды вокруг луны. Каждый склон кутался в полупрозрачную шаль тумана. В расщелине между двумя сросшимися скалами с грохотом низвергался мощный водопад. Поток срывался с такой головокружительной высоты, что его неодолимый гул глухим эхом разносился на всю округу.

— Глядя на эту красоту, понимаешь, почему столь многие стремятся попасть на гору Небесного Духа, — негромко произнёс Ань Цзыянь. — Поистине, такое зрелище достойно лишь небесных чертогов. В мире смертных подобное чудо едва ли доведётся узреть дважды.

— Красота знатная, да только приглядится быстро, коли видеть её изо дня в день, — отозвался Чоу Хуайшэн. — На теневой стороне горы сквозит. Накинь-ка, твоё тело ещё слабо, не ровён час подхватишь простуду — и все труды насмарку.

С этими словами он снял плотный верхний халат и набросил его на плечи Цзыяня. Ткань хранила живое тепло спутника, и от этой заботы по сердцу юноши разлилась щемящая нежность.

— С тех пор как я здесь, только и делаю, что пью отвары да греюсь в здешних источниках, — тихо произнёс Ань Цзыянь. — Чувствую, как возвращаются силы. Пусть до здоровья обычных людей мне ещё далеко, но я больше не чахну на глазах, как прежде. И в этом твоя заслуга, брат Хуайшэн. Без твоей заботы я бы ни за что так быстро не поправился.

Юноша говорил искренне, чувствуя глубокую признательность. И в самом деле: хотя по ночам холодный ветер из окон всё ещё заставлял его кашлять, Хуайшэн чутко улавливал малейший шорох. Он просыпался, укутывал его потеплее и подбрасывал угля в жаровню, бережно

оберегая его хрупкий покой.

— Родные доверили тебя мне, так что я просто выполняю свой долг, — отозвался Чоу Хуайшэн, высматривая нужные ростки в густой траве. — Да и учитель предупреждал: если случится рецидив, тут и бессмертные окажутся бессильны. Так что даже когда спустишься с горы, береги себя пуще прежнего. Облегчение обманчиво. Твой недуг врождённый, пришёл из материнской утробы, а такие хвори, по словам наставника, выводятся труднее всего.

— Будем честны, моя жизнь — лишь милость, выпрошенная у неба, — негромко отозвался Цзыянь. — Если мне суждено выкроить ещё хотя бы несколько лет, я уже буду благодарен судьбе.

До встречи с Истинным владыкой Сюаньцином он проводил дни в беспросветном ожидании конца. Смерть не страшила его сама по себе, но мысль о близких разрывала сердце. Как оставить любящего отца-вана и младшего брата Цзыпина? Он не боялся умереть — ему просто не хотелось с ними расставаться. Судьба смиростивилась, подарив ему встречу с наставником, а заботливые руки Хуайшэна день за днём возвращали его из объятий могильного холода.

— Ну полно, к чему эти похоронные речи? — с мягким упрёком отозвался Хуайшэн, ловко поддевая ножом корень очередного растения. — Жив ведь, и славно. В народе говорят: кто прошёл через край бездны, того впереди ждёт великое благо. Судьба будет к тебе благосклонна, с чего бы ей так просто отдавать тебя смерти?

— Раз тебе не по душе такие разговоры, больше не буду, — послушно согласился Цзыянь. — Лучше научи меня различать эти травы.

Он подошёл ближе и опустил на корточки рядом с Хуайшэном.

— Вот это что за корешок? — поинтересовался юноша, указывая на только что извлечённый из земли стебель.

— Это трава куриной кости, цзигуцао, — пояснил Хуайшэн, демонстрируя волокнистый корень. — Её целебный отвар незаменим: он разгоняет внутренний жар, выводит яды, умиряет печёночный гнев и унимает резь в желудке. Помогает и младенцам при желтухе, и взрослым при ломоте в подреберье. Вот только семена её таят в себе отраву, так что стручки при сборе нужно обрывать без жалости. Обычно она созревает к зиме или весне, но благодаря благодатному дыханию горы Небесного Духа её можно встретить здесь в любое время года.

Хуайшэн привычным движением оборвал опасные семенные коробочки, очистил стебель от налипшей земли и бережно опустил в заплечный короб.

Цзыянь слушал затаив дыхание, стараясь запомнить каждое слово. Случайно повернув голову, он заметил в отдалении пышные заросли, усыпанные крупными белыми цветами.

— А там что за прелесть? Надо же, сколько их распустилось! — воскликнул он и, не в силах сдержать ребяческий восторг, поспешил к белой поляне.

Из-за расстояния Хуайшэн не сразу определил сорт, но, увлечённый порывом товарища, зашагал следом. Лишь приблизившись, он невольно нахмурился, узнав в нежных лепестках цветы мандалы. Странно: во время его прошлого похода на этот склон здесь не было и намёка на подобные заросли. Откуда они взялись в таком изобилии? Неужели монахи из монастыря высадили их намеренно?

— Это мандала, цветок мандалы, — заговорил он, предупреждая придержав Цзыня за локоть. — Из неё готовят снадобья против кашля, астмы, резей в животе и ломоты в суставах. Она незаменима при лечении ушибов. Именно из её сока варят знаменитый усыпляющий отвар и обезболивающие порошки. Однако этот цветок таит в себе смертельную опасность. Стоит принять лишнюю крупичу — и тебя разобьёт дурнота, разум заволокёт туманом, а при сильном отравлении наступит паралич, за которым последует смерть.

— Удивительно, — задумчиво протянул Цзынь, глядя на обманчиво хрупкие чашечки цветов. — Выходит, одна и та же трава способна и исцелить, и погубить. Граница между ядом и спасением совсем незаметна.

— В каждом лекарстве сокрыта доля яда, — подтвердил Хуайшэн. — Даже самое безобидное целебное средство обратится во вред, если пренебречь мерой. Но у цветов мандалы есть ещё одно свойство. Догадываешься какое?

— Просвети меня, брат Хуайшэн! — с любопытством попросил юноша.

— Огненную страсть разжигать... — лукаво шепнул Хуайшэн, склонившись к самому уху Цзыня.

— Что?! Разжигать... страсть? — растерянно пробормотал Цзынь, чувствуя, как он мгновенно краснеет.

Столь откровенное признание застало его врасплох. Большинство его столичных сверстников давно познали прелести любовных утех в весёлых кварталах, да и младший брат Цзыпин уже вовсю готовился к свадьбе с благородной девицей. Сам Цзынь от подобных увлечений держался в стороне, но непристойные разговоры волей-неволей долетали до его ушей. И пускай он понимал, что никогда не свяжет свою жизнь с женщиной, от двусмысленного шёпота Хуайшэна ему стало невыносимо неловко.

«Кто бы мог подумать, что этот с виду степенный и благонравный мужчина способен на такие вольности! — Цзынь растерянно отвёл взгляд. — Да и пристойно ли это?.. Впрочем, неважно. Ничего приличного он точно не скажет».

Цзынь лишь молча покачал головой, не зная, куда деваться от смущения.

— Ха-ха-ха! Надо же, наш Цзянь умеет краснеть! Какое редкое зрелище! — весело расхохотался Хуайшэн.

Он всего лишь хотел подразнить приятеля, но не ожидал, что тот окажется настолько стыдливым. Сразу видно — невинный юнец, не знавший ласки.

— Ну всё, будет с тебя, пойдём дальше, — сжалился наконец Хуайшэн, похлопав его по плечу.

Цзянь облегчённо кивнул и послушно зашагал следом. По дороге Хуайшэн придирчиво отбирал нужные стебли и подробно разъяснял спутнику их назначение. Они так увлеклись делом, что не заметили, как солнце перевалило за полдень.

Вернувшись в Павильон Хранящий Облака, Хуайшэн первым делом поспешил на кухню. Время близилось к закату, а у них с утра маковой росинки во рту не было. После долгой прогулки по горным кручам оба сильно проголодались.

Плотно пообедав, они принялись за работу: тщательно перебрали добычу, рассортировали коренья и листья по широким плетёным подносам и выставили их во внутренний дворик под тёплые лучи солнца.

— Устал? — заботливо поинтересовался Хуайшэн, утирая пот со лба. — Нелегко тебе сегодня пришлось.

— Ничуть, — с улыбкой отозвался Цзянь. — Напротив, я узнал столько нового! Скажи, а раньше ты всегда ходил на склон один?

— Поначалу меня водили старшие ученики из аптекарского приказа, — ответил Хуайшэн. — А когда я научился без труда отличать полезные ростки от сорняков, стал выбираться один.

— Тогда... можно мне и впредь ходить с тобой?

Заметив недоумение, мелькнувшее во взгляде Хуайшэна, Цзянь поспешно добавил:

— Я не навязываюсь! Просто не хочется целыми днями киснуть в четырёх стенах. Сам знаешь, раньше я шагу не мог ступить за порог из-за болезни, а теперь, когда мне стало лучше, ноги так и несут на волю.

— Делов-то! — усмехнулся Хуайшэн. — Если тебе так понравился наш склон, только шепни. Выкрою время — и пойдём вместе. Но запомни накрепко: одному туда соваться строго-настрого заказано. Пускай там нет таких грозных преград, как у подножия горы, но если оступиться и ненароком задеть скрытую ловушку — костей не соберёшь.

Хуайшэн не сгущал краски ради острастки. Не так давно один прислужник по глупости забрёл в запретную чашу и умудрился потревожить древнее охранное заклятие — едва живым остался. Впрочем, вору — воровская и честь: подлец пытался выкрасть бесценный трактат Истинного владыки Сюаньцина «Расположение сил Фэншуй». Беглец надеялся скрыться через лесные дебри заднего склона, но наступил на скрытый триггер, который тут же всполошил наставника. Тот самолично вытащил незадачливого воришку из капкана.

— Но если он оказался вором, зачем наставник спас его? — удивился Цзянь.

— Высшие силы заповедали нам ценить каждую жизнь, — отозвался Хуайшэн. — Наш наставник — человек широкой души. Спасши негодая, он лишь отобрал трактат и велел убираться с горы Небесного Духа на все четыре стороны. Но с тем условием, чтобы тот до конца дней своих не смел и заикаться, будто когда-то ступал на эти священные земли.

— Неужели это «Расположение сил Фэншуй» столь ценно, что кто-то решился ради него рискнуть собственной головой? — изумился Цзянь.

— В этой рукописи — весь жизненный путь и мудрость наставника, во всём мире нет второго такого списка, — с глубоким почтением в голосе проговорил Хуайшэн. — Истинный владыка Сюаньцин зрит самую суть вещей, ведаёт ход светил и дыхание земли, читает грядущее по облакам. В повседневной жизни он кажется обычным, порой даже ворчливым стариком, но истинная глубина его знаний сокрыта от посторонних глаз. Пожалуй, её масштабы ведомы лишь ему одному.

— И всё же, зачем городить огороды и опутывать задний склон охранными кругами? — Цзянь по-прежнему не понимал, к чему такие предосторожности. — Гора Небесного Духа и без того кажется неприступной цитаделью. К чему лишние хлопоты?

— Тут я тебе не ответчик, — вздохнул Хуайшэн. — Разве что сам отважишься расспросить старика при случае. Наш учитель зрит сквозь толщу времён, и раз он опутал гору защитной сетью, значит, предвидел беду, о которой мы и помыслить не можем. Замыслы великих мудрецов всегда скрыты под покровом тайны.

По правде говоря, Хуайшэн и сам частенько ломал над этим голову. Наставник едва ли стал бы тратить годы на возведение сложнейших массивов только ради поимки мелкого вора. За этим решением явно крылась куда более грозная опасность. Но Истинный владыка делился откровениями лишь тогда, когда приходил срок. Если же старик решил замкнуть уста — выпытать у него хоть слово было делом абсолютно безнадёжным.

— Ты так рассказываешь о нём, брат Хуайшэн, что мне самому до смерти захотелось напроситься к Истинному владыке в ученики! — восторженно воскликнул Цзянь.

«Стать преемником столь великого мужа — поистине величайшая милость, о которой можно лишь мечтать».

— Ну, наставник наш разборчив, абы кого на порог не пустит, — добродушно поддразнил его Хуайшэн. — Он принимает только тех, с кем его связывает истинное предназначение судьбы!

— И что же это за предназначение такое? — с искренним любопытством спросил Цзыянь. — Неужели наша встреча за тысячи ли — недостаточное доказательство? Не будь этой нити судьбы, я бы уже давно гнил в сырой земле!

— Тут уж мне неведомо, — улыбнулся Хуайшэн. — Видно, ваша нить ещё не завязалась в крепкий узел.

Всё-таки судьба — штука причудливая. Её узоры сотканы из сотен невидимых касаний, и предугадать, куда они приведут, смертному не дано.

<http://bllate.org/book/18341/1790683>